

2. Духоборцы.

Въ южно-русской Украинѣ, въ предѣлахъ нынѣшихъ губерній Харьковской и Екатеринославской, стало замѣтно, около 1740-хъ годовъ, особое броженіе раціоналистическихъ идей, изъ которыхъ образовалась потомъ секта духоборцевъ, весьма долго не обращавшая на себя вниманія. Какъ мѣсто, наполненное всякаго рода ссылыми и бѣглыми сектантами, Украина обладала въ то время всѣми данными къ развитію всякаго рода отрицаній, какъ обрядовой стороны богослуженія, такъ равно и догмъ православія. Здѣсь были и выходцы изъ Польши, воспріявшие реформатскіе взгляды и громившіе декоративную сторону католицизма; сюда убѣгали отъ гоненій наши раскольники и, не сдерживаясь старообрядствомъ, легко увлекавшіеся въ сторону отрицанія всякаго обряда; по сосѣдству жили переселенцы квакеры и меннониты, которые также оказывали не малое вліяніе на духовную мысль простого народа; наконецъ, не безъ того, что новое броженіе возникло подъ вліяніемъ еще сохранившихся въ народной памяти остатковъ народнаго раціонализма, преемственно проявлявшагося въ гресяхъ XVI вѣка, въ ученіяхъ московскихъ еретиковъ и въ ученіяхъ нѣкоторыхъ безпоповицкихъ толковъ. Начавшееся съ Максима Грека движеніе духовной мысли, хотя слабо, но проглядывало въ теченіи XVI вѣка и затѣмъ, въ болѣе рѣзкихъ чертахъ, выражалось въ теченіи XVII

и XVIII столѣтій. Съ крайнимъ развитіемъ старообрядческаго направленія, обозначившимся въ Стоглавомъ соборѣ, возникло и противуположное, еще сильнѣе вдавшееся въ крайность и еще безпощаднѣе начавшее ломать все церковное устройство и все тогдашнее религіозное нестроеніе. Явились послѣдователи Максима, но послѣдователи принявши и развивши элементы изъ жицтвующей ереси и изъ самыхъ крайнихъ выводовъ западныхъ протестантскихъ мыслей. Однимъ изъ первыхъ такихъ послѣдователей, какъ известно, былъ Башкинъ. Разъ, въ 1553 году, пришелъ на духъ къ попу Симеону, необычный сынъ духовный, Матвѣй Башкинъ. Исповѣдываясь, онъ началъ просить у духовнаго отца наставленія, предлагалъ вопросы, но на исповѣди не получилъ ни наставленій, ни разъясненій. Башкинъ отправился къ отцу Симеону на домъ. Здѣсь онъ началъ читать разныя мѣста изъ св. писанія и, не дождавшись объясненій, самъ ихъ объяснялъ, причемъ кромѣ другихъ своеобразныхъ толкованій, обратилъ на себя вниманіе тѣмъ, что во имя христіанской любви отрицаль рабство. Попъ Симеонъ былъ изъ неученыхъ, и всѣ вопросы Башкина показались ему «недоумѣнными». Показались они такими-же и Селиверсту. Доложили царю; еретика схватили и подвергли допросу. Онъ собственноручно написалъ сущность исповѣдуемаго имъ ученія. Послѣдователи нашего ученія, писалъ онъ, божество Сына и равенство Его съ Отцемъ не признаютъ, евхаристію считаютъ не таинствомъ; покаяніе, иконы и мощи не почитаютъ; отеческія писанія, житія св. отецъ и постановленія соборовъ называютъ «баснословіемъ»; наконецъ, всѣ мы называемъ церковь собраніемъ вѣрныхъ, а не человѣческимъ учрежденіемъ и, тѣмъ болѣе, не постройкой рукъ человѣческихъ. По допросу разузнали, что этого ученія держится большинство бѣлозерскихъ старцевъ, изъ которыхъ монахи Феодосій Косой и Игнатій пошли въ отрицаніи еще далѣе Башкина. Соборомъ 1554 года еретики были осуждены и разосланы по дальнимъ монастырямъ. Для насъ важно то, что Феодосій Косой и Игнатій успѣли бѣжать въ Литву, гдѣ продолжали проповѣдовывать рационалистическое ученіе, весьма близкое къ социнанству, состоящему въ отверженіи божества Іисуса Христа, всей церковной іерархіи, обрядовъ и, главное, въ отрицаніи повиновенія властямъ вообще, что, какъ известно, положено въ основаніе ученія духоборцевъ. Проповѣдь Косого и Игнатія еще долго сохранилась въ литовскихъ предѣлахъ, и не безъ того, что могла имѣть влияніе на нашихъ первыхъ раскольниковъ, скрывавшихся тамъ во времена преслѣдованій царевны Софіи и затѣмъ, по воз-

врашениі ихъ на родину, они весьма легко могла положить начало ученіямъ, которыя впослѣдствіи приняли осязательныя формы раціонализма. Впрочемъ, помимо зарубежнаго вліянія, въ самой русской жизни создавались и развивались явленія, возбуждавшія раціоналистическую мысль. Извѣстно, что еще задолго до Петра завелись у насъ нѣмецкія поселенія, игравшія роль передовыхъ колоній запада для знакомства Россіи съ европейскимъ общежитіемъ, съ мастерствомъ и со всѣмъ, что было выработано тогдашнею европейскою цивилизаціею. Начиная съ Василия III, заселенія нѣмцевъ распространялись по всѣмъ городамъ, такъ что въ 30-хъ годахъ XVII столѣтія, по свидѣтельству Олеарія, въ одной Москвѣ жило болѣе 1000 семействъ лютеранскихъ и реформатскихъ, а къ концу вѣка, по свидѣтельству Рейтенфельса, всѣхъ нѣмцевъ, протестантовъ, жившихъ въ Россіи, въ Москвѣ и другихъ городахъ, было болѣе 18,000 человѣкъ. Вліяніе этой массы иноземцевъ было весьма значительное. Неподвижная, домостроевская Русь начала принимать отъ иноземцевъ обычай, одежду и разные порядки обыденной жизни. Еще при Михаилѣ Федоровичѣ, являлись такие передовые люди, какъ князь Хворостининъ, для которыхъ тогдашняя жизнь московского общества казалась отвратительною. Позднѣе, при царь Алексѣѣ, сынѣ боярина Ордина-Нащокина, въ свое время одинъ изъ образованнѣйшихъ молодыхъ людей въ Москвѣ, не могъ оставаться въ своей родинѣ и сперва бѣжалъ въ Польшу, а затѣмъ навсегда поселился въ Парижѣ. Волею-не-волею, самому правительству приходилось искать на Западѣ пособій въ тамошнихъ наукахъ, художествахъ, ремеслахъ и военномъ искусствѣ. Даже въ самомъ дворцѣ завелись нѣмецкая музыка, картины, часы, зеркала, кареты, наконецъ, явился театръ и придворная труппа комедіантовъ. Все это расшатывало старорусскую, обрядовую жизнь съ ея внѣшнимъ благочестіемъ и внутреннимъ безобразіемъ; все это приводило къ мысли объ исکанії другой, высшей истины, освобожденной отъ внѣшней формы. Если на верху, подъ вліяніемъ Запада, думали объ обновленіи, протестовали противъ старины, то внизу, въ массахъ, явился тоже протестъ противъ нововведеній, разрушающихъ древне-русское общинное начало, нововведеній, къ которымъ темный русскій народъ, защищая православіе, безсознательно причислялъ всякие новые иноземные порядки, полагая въ нихъ какъ-бы символъ уничтоженія старой, болѣе свободной и самостоятельной, общинной жизни. Здесь два, съ виду противуположныхъ теченія, имѣли одну и ту же цѣль—достиженіе лучшихъ порядковъ,

большой свободы. Западники, лучшие передовые люди на верху искали этого въ формахъ европейской жизни и въ вѣрованіи возвышали свободное человѣческое сознаніе надъ неподвижностью православія; новые старовѣры находили лучшее въ старыхъ общинныхъ порядкахъ, возставали противъ централизма, и въ вѣрованіи держались старого обычая и старыхъ формъ богослуженія, доводя ихъ до ненарушимости буквы. Второе теченіе, какъ болѣе близкое къ пониманію массы, какъ осязательнѣе затрогивавшее ея интересы, тотчасъ-же охватило большую долю народа и выразилось затѣмъ въ страшной, упорной двухвѣковой борьбѣ и съ правительствомъ, и съ церковью. На развитіе и распространеніе теченія первого рода потребовалось болѣе продолжительное время и болѣе сильныя вліянія, которыя, притомъ-же, шли сверху внизъ, а не наоборотъ, какъ это было въ старовѣрии и старообрядствѣ. Сильною поддержкою первому служили реформы Петра, чрезвычайный наплывъ иноземцевъ въ послѣ-петровское время, и то зародившееся стремленіе восполнить русскую религіозную исключительность мірскою образованностью Запада, впереди которого стоялъ самъ Петръ. Если тогдашнее, сравнительно образованное, западное общество, переступило границы умѣренности въ критикѣ вѣрованій, то наша юная, недодѣланная образованность и подавно могла впасть въ другую крайность—въ полное пренебреженіе къ вѣрѣ. Оно въ дѣйствительности такъ и было. Не разъ приходилось Петру, человѣку, какъ извѣстно, мало вѣрующему, останавливать черезъ-чуръ вольные замѣчанія относительно вѣры, высказываемыя его приближенными. Однажды, Татищеву пришлось больно отъ дубинки Петра за пущенную имъ какую-то юдкую насмѣшку на счетъ преданій церкви, причемъ Петръ приговаривалъ: «не соблазняй вѣрующихъ душъ, не заводи вольнодумства. Это вредно для благоустройства общественнаго. Не для того я тебя выучилъ, чтобы ты былъ врагомъ общества и церкви». Но такое настроеніе было у большинства тогдашняго передового общества: оно являлось какъ-быmodoю, признакомъ хорошаго тона.

Совершенно безъ вѣры общество не можетъ быть. При упадкѣ официальной вѣры и общественной нравственности, являются новыя ученія, новые потоки богословской мысли или, наконецъ, вѣра въ будущіе, въ недосягаемые, политические или соціальные идеалы. Не ушло отъ этого и Петровское время. Нѣкто Дмитрій Тверитиновъ, учившійся въ Нѣмецкой слободѣ медицинѣ, весьма скоро увлекся протестантскими идеями и сдѣлался ревностнымъ ихъ проповѣдникомъ. Ученіе свое онъ из-

лагалъ въ особыхъ тетрадкахъ, которые даваль прочитывать вмѣстѣ съ переводомъ Лютерова катехизиса. Проповѣдью своею Тверитиновъ не стѣснялся: распространялъ ее гласно, заводилъ споры съ православнымъ духовенствомъ и, какъ свидѣтельствуютъ источники, былъ настолько силенъ въ діалектицѣ, что оспоривать его не могли даже ученые московской духовной академіи. «Нынѣ у насъ, слава Богу, вольно всякому—кто какую вѣру изберетъ, въ ту и вѣруетъ», говорилъ Тверитиновъ. Въ теченіи 10-ти лѣтъ, около него составился большой кружокъ послѣдователей, фанатически ему преданныхъ. Ученіе его почти то же, что Башкина: оно состояло въ отрицаніи таинствъ, евхаристіи, почитанія св. мощей и угодниковъ, поминанія умершихъ, наконецъ, въ отверженіи церковнаго преданія и самой церкви, какъ учрежденія. Въ 1713 году, сдѣланъ былъ доносъ и затѣмъ розыскъ духовнаго начальства. При содѣйствіи преображенскаго приказа, послѣдователи ученія были уличены показаніями нѣсколькихъ священниковъ, монаховъ, а также московскаго вице-губернатора Ершова. Когда узналъ объ этомъ Петръ, онъ не хотѣлъ огласки, не желалъ суда. Довольствуясь отречениемъ отъ ереси, онъ поручилъ Стефану Яворскому присоединить еретиковъ къ церкви и затѣмъ потушить дѣло. Но для Яворскаго это былъ пробный камень; онъ хотѣлъ опредѣлить свои отношенія къ Петру, хотѣлъ узнать, — есть ли еще надежда получить патріаршескій санъ и возможно ли бороться, чтобы оградить церковь отъ наступавшей для нея подчиненности свѣтской власти. Яворскій собралъ новые доказательства и улики. Здѣсь, какъ на грѣхъ, одинъ изъ еретиковъ, фанатикъ Ёома Ивановъ, находясь въ Чудовомъ монастырѣ, до того раздраженъ былъ монастырскимъ заточеніемъ, что пришедши однажды въ церковь, разсыпалъ косыремъ образъ чудотворца Алексія. Все это заставило Яворскаго собрать, въ 1714 году, московскій соборъ, который предалъ еретиковъ проклятию и отдалъ ихъ гражданскому суду. Тверитинова и его послѣдователей разослали по монастырямъ, а Ёома Ивановъ сожгъ на кострѣ. Во время казни, одинъ изъ поклонниковъ и почитателей фанатика говорилъ народу: «вотъ, какъ онъ страдаетъ; сожгли, и не перекрестился». Петръ былъ очень недоволенъ ревностью Стефана и даже сдѣлалъ ему обидный выговоръ черезъ сенатъ. И Петръ былъ правъ. Дѣло московскихъ еретиковъ только разожгло положенное Тверитиновымъ ученіе: оно стало переходить изъ устъ въ уста и послужило корнемъ разvившихся впослѣдствіи сектъ духоборцевъ и молоканъ. Рости

этому учению тѣмъ болѣе было возможно, что при преемникахъ Петра протестантскія идеи получили полное право гражданства. При Аннѣ Ioannovnѣ, напримѣръ, высыпали за рубежъ польскихъ ксендзовъ, велѣли насильно обратить въ православіе княгиню Долгорукую, а князя Голицына сдѣлали, за принятіе католицизма, придворнымъ шутомъ и заставляли пѣть пѣтухомъ въ кѣтушкахъ; но за то нѣмцамъ была лафа: они свободно строили себѣ кирки, заводили особыя общества и проч. Все это бы еще ничего, но нѣмецкое вліяніе на тогдашнее общество было пагубно въ разныхъ отношеніяхъ. Сколько нибудь систематической рационализмъ былъ не по плечу обществу, и все дѣло ограничивалось безрелигіозностью и крайнею распущенностью. Да и сами тогдашніе всесильные нѣмцы были плохими представителями протестантскихъ вѣрованій. Биронъ, напримѣръ, ни разу не былъ въ киркѣ; Остерманъ перемѣнялъ столько разъ религію, что даже никто не зналъ, какого онъ вѣроисповѣданія. Между тѣмъ, роскошь двора, дорогіе костюмы, блестящіе балы, маскарады, обѣды шли своимъ чередомъ, столичное дворянство проматывалось, грабя и разоряя мужиковъ; дворъ то-и-дѣло настаивалъ на энергическомъ дѣйствіи «доимочной канцеляріи». Вся нравственная мораль обиденной жизни сводилась къ осуществленію «эпікурейскихъ мнѣній», и русская женщина, только что выведенная изъ заперти, изъ терема, сразу поняла всѣ тонкости европейского кокетства и съ увлеченіемъ приняла свою новую роль — сдѣлаться въ духѣ времени материаломъ для «эпікурейскихъ» удовольствій. Тѣмъ временемъ, масса народная жила своею темною, неприглядною, тяжелою жизнью. Гнетъ и страшные поборы сверху, неудовлетворенность духовныхъ стремленій со стороны грубаго, необразованного сельскаго духовенства, отовсюду несправедливости и притѣсненія; неопределенныя, въ большинствѣ случаевъ, разукрашенные и преувеличенніе слухи о сатанинскомъ образѣ жизни Петербурга, — все это дѣлало народъ воспріимчивымъ ко всякаго рода живой проповѣди, ко всякой обращенной къ нему рѣчи. Рось и крѣпъ расколъ, вспомнились и привились вновь старыя учения, носившія въ себѣ элементы рационалистической мысли.

Если коснуться теперь подробностей зарожденія духоборческой секты, то, къ сожалѣнію, мы будемъ обладать только самыми поверхностными свѣдѣніями и самыми отрывочными свидѣтельствами. Изъ следственныхъ производствъ того времени оказывается, напримѣръ, что кто-то, одни показывали, отставной солдатъ или унтеръ-офицеръ, другіе — что будто бы иностранецъ,

и называлъ себя квакеромъ,—собиралъ въ селѣ Охочемъ, Харьковской губерніи, примѣрно около 1740 года, сходки, ходилъ изъ дома въ домъ и училъ св. писанію, схоже съ ученіемъ нынѣшнихъ духоборцевъ. Кто былъ этотъ первый проповѣдникъ, до сихъ поръ осталось загадкою; но ученіе его не потухло и пустило корни не только въ мѣстѣ первой проповѣди, но нашло отголосокъ въ смежной Екатеринославской губерніи. Дѣйствительно, спустя 10 лѣтъ, тѣ же мысли послышались въ селѣ Никольскомъ, отъ старика Силуана Колесникова, пользовавшагося уваженіемъ и безграничнымъ довѣріемъ своихъ односельчанъ, какъ человѣка благотворительного, щедраго, строгаго образа жизни и житейской опытности, вдобавокъ, грамотнаго и обладавшаго замѣчательнымъ даромъ краснорѣчія. Послѣ Колесникова, дѣло проповѣди продолжали сыновья его Кириллъ и Петръ, которые, по всей вѣроятности, не ограничивались своими мѣстами, но бывали и въ Харьковской, и въ Тамбовской губерніяхъ, гдѣ уже раскинуты были сѣмена этого ученія еще первыми проповѣдниками. Подлинные акты говорятъ на этотъ счетъ, что въ 1768 году, многія изъ деревень Тамбовскаго уѣзда, въ особенности крестьяне села Лысыхъ-Горъ, отстоящаго отъ Тамбова всего на 20 верстъ, объявили начальству, что они рукотвореннымъ и написаннымъ на доскахъ образамъ не поклоняются, а потому храмовъ православныхъ не почитаютъ иходить молиться въ нихъ не станутъ. «Мы поклоняемся,—говорили сектанты,—Христу неписанному въ изображеніяхъ, но Христу животворному». Нѣкоторые изъ фанатиковъ доходили до изступленія, кричали непристойныя слова во время всенощнаго бдѣнія, ругали священниковъ. Сектантовъ назвали тогда иконоборцами, не подозрѣвая, что это то же самое ученіе, что проповѣдывалось еще ранѣе въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ. Екатерина II, впрочемъ, весьма милостиво отнеслась къ нимъ: производившее безчинство были наказаны, а остальные прощены, и все дѣло ограничилось тѣмъ, что въ деревни сектантовъ были поставлены на время небольшія воинскія команды ¹⁾.

Не прошло двадцати лѣтъ, какъ въ 1786 году появилось снова духоборческое ученіе, къ сѣверу, въ 25-ти верстахъ отъ Тамбова, въ селѣ Горѣломъ, гдѣ проповѣдникомъ въ то время явился, получившій довольно громкую известность между сектантами, Савва Поберихинъ. Въ ученіе свое этотъ проповѣдникъ внесъ много мистического, заимствованнаго имъ во время

¹⁾ См. указъ отъ 28-го августа 1868 г. Сб. распор. о расколѣ.

пребыванія въ Польшѣ, отъ тамошнихъ мистиковъ. Быть можетъ, Поберихину и нуженъ былъ мистицизмъ для возвышенія своего проповѣдническаго авторитета: не обладая ни умомъ, ни талантомъ, ни даромъ слова, какіе были у Колесникова, Поберихинъ внесъ въ ученіе свое новый, нынѣ отвергнутый догматъ—преемственности воплощенія божественной силы въ лицѣ препопѣвѣдниковъ, къ которымъ, разумѣется, причислилъ себя. Послѣ этого, слово Поберихина было законъ, исполненія его онъ требовалъ угрозами, и даже, какъ удостовѣряютъ нѣкоторые писатели о духоборцахъ, посредствомъ убийствъ чрезъ своихъ приверженцевъ, называемыхъ «ангелами смерти». Народъ весьма скоро примкнулъ къ его ученію и, будучи наэлектризованъ мистицизмомъ, сталъ дѣйствовать фанатически и противъ православія и противъ тѣхъ, кто измѣнялъ принятому ученію. Здѣсь хроника прошедшей жизни сектантовъ, не подтвержденная, впрочемъ, документными свидѣтельствами, говоритъ, что грубое отрицаніе всего, даже библіи, и этотъ деспотизмъ поберихинской проповѣди, породили оппозицію подобно тому, какъ аскетизмъ основателя секты анабаптистовъ, Матисона, породилъ оппозицію въ противную сторону, въ лицѣ Яна Бекельсона (Лейденскаго). Зять Поберихина, нѣкто деревенскій портной Укленинъ, на одномъ изъ собраній, сильно поспорилъ съ тестемъ и, боясь преслѣдованій, основалъ новое, очищенное ученіе молоканское. Всльдѣ за этимъ, начавшійся разладъ между послѣдователями двухъ ученій, а также смерть деспота-проповѣдника Поберихина, нѣсколько измѣнили ученіе духоборцевъ, и именно въ сторону преобладанія раціонализма. Способствовали этому отчасти вѣшнія обстоятельства—отношенія къ сектантамъ правительственной власти, отчасти, внутреннія—общинно-устроительное стремленіе въ ихъ жизни, которое само собою входило въ ихъ вѣрованіе и, такимъ образомъ, низводило духовную мысль съ безплотнаго мистицизма на почву самаго осознательнаго реализма. Произошло это, разумѣется, не сразу. Тридцать лѣтъ развивали и устраивали свое ученіе сектанты; тридцать лѣтъ прошло, пока водители духоборства успѣли распространить свое ученіе по всѣмъ направленіямъ,—къ сѣверу до Новгородской губерніи, къ востоку за Приволжье, наконецъ, въ самой Москвѣ. Замѣчательно, что все это время сектанты стояли какъ-бы въ сторонѣ отъ общихъ преслѣдованій и отъ правительственного давленія. Ихъ какъ-бы не замѣчали. Строгая исправность въ отбываніи всевозможныхъ повинностей, отсутствіе безпорядковъ и уголовщины въ селеніяхъ, немалая подачки ближайшимъ мѣстнымъ началь-

никамъ дали возможность окрѣпнуть сектантамъ и явиться для послѣдующей борьбы съ правительствомъ, уже довольно сильнымъ и стойкимъ организмомъ.

Главною догмою духоборства является общее положеніе раціонализма, появившееся у насъ еще во времена стригольниковъ, это—полное отрицаніе всей религіозной внѣшности, во имя поклоненія Богу «духомъ и истину». «Ты егда молишись, види въ кльть твою, и затворивъ двери твоя, помолись Отцу твоему, въ тайнѣ, духомъ и истиной»—учатъ духоборцы. Огрица соборы, отцовъ церкви, іерархію, св. писаніе, сектанты признаютъ единственнымъ безусловнымъ источникомъ вѣры и спасенія слово Божіе внутреннее, живущее въ каждомъ человѣкѣ. Чтобы показать преемственность и неугасаемость духа истины въ человѣчествѣ, они считаютъ себя потомками невинно убіеннаго Авея, и что ученіе ихъ получило начало отъ трехъ вавилонскихъ отроковъ, брошенныхъ въ пещь огненную и не сгорѣвшихъ тамъ. Очевидно, что эти черты мистицизма взяты отъ квакеровъ, но изложены и переработаны по-своему. Церковь для сектантовъ не болѣе, какъ духовное общество людей, соединенныхъ внутреннимъ словомъ и принимающихъ его глаголамъ. Вслѣдствіе этого, всѣ таинства сектанты объясняютъ въ духовномъ смыслѣ, и потому всѣ внѣшніе обряды — крестное знаменіе, посты, иконы, мощи, церковную іерархію, они отвергаютъ. Если, основываясь на словахъ Спасителя, представляютъ имъ о необходимости таинства крещенія и причащенія, то они отвѣчаютъ: «Мы крещаемся словомъ божіимъ и пріобщаемся хлѣбу животворному». Поставивъ основаніемъ своего ученія—внутреннее слово каждого вѣрующаго, духоборство, хотя и вѣритъ въ исторического Христа и признаетъ дѣло совершенного имъ искупленія, но въ то же время допускаетъ, что можно спастись и безъ вѣры въ него, съ одною вѣрою во внутреннее слово, которое одно и то же съ Сыномъ Божіимъ, и также духовно совершаеть дѣло искупленія, также рождается, проповѣдуется, творить чудеса, страдаетъ и воскресаетъ въ сердцѣ каждого вѣрующаго. Каждый вѣрующій, по ихъ понятію, долженъ достигнуть верховнаго состоянія благодати, и каждый изъ нихъ, сдѣлавшись храмомъ Божіимъ, имѣть въ себѣ присутствіе св. Троицы. Богъ-Отецъ — память; Богъ-Сынъ—разумъ; Богъ-Духъ Святый — воля. Въ ученіи о грѣхопаденіи они тоже отступили отъ христіанскаго воззрѣнія и приняли положеніе, что всякий отвѣчаетъ за свой грѣхъ, что грѣхопаденіе Адама было его частное грѣхопаденіе, а общая порча природы человѣческой есть слѣдствіе паденія душъ еще

до созданиі міра, въ одно время съ паденіемъ злыхъ духовъ. Послѣдовательно съ ѣтимъ, сектанты не признавали и не признаютъ власти человѣка надъ человѣкомъ, а тѣмъ болѣе власти, «Богомъ постановленной», чтоб, какъ извѣстно, послужило главною причиною направленныхъ противъ нихъ преслѣдований. Вообще, духоборцы принимаютъ священное писаніе постольку, поскольку оно подтверждаетъ ихъ догму — переселеніе благодати господней въ существо каждого вѣрующаго.

Отвлеченная и даже философская доктрина подобнаго рода, разумѣется, не могла самостоительно зародиться въ средѣ простого народа, и несомнѣнно была перенесена первыми проповѣдниками изъ разнаго рода ученій, съ примѣсью многихъ протестантскихъ мнѣній и другого рода рационалистическихъ и мистическихъ воззрѣній. Однаково несомнѣнно, что впослѣдствіи времени распространеніе секты шло путемъ отрицанія внѣшняго богослуженія и соблюденія только установленныхъ ритуаловъ, которые при томъ же были просты и удобоисполнимы при всѣхъ гоеніяхъ, какія испытывали сектанты. Доктрина сама собою ускользала въ вѣроученіи духоборцевъ; она была высока и черезъ-чуръ отвлеченна для нихъ. Имъ нужна была вѣра практическая, удобоисполнимая въ собраніяхъ, а это само собою очищало духоборство отъ мистицизма и сближало его съ болѣе простымъ вѣроученіемъ — молоканствомъ. Весьма рѣдко кто изъ нынѣшнихъ сектантовъ хорошо знакомъ съ доктриналами своего ученія — развѣ только нѣкоторые изъ ихъ старѣйшихъ; а затѣмъ, всѣ твердо знаютъ и хорошо помнятъ только тѣ слова, изъ принятаго ими священнаго писанія, которыя служатъ отвѣтомъ на запросы обыденной нравственности ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе, принявъ при самомъ началѣ часть мистическихъ воззрѣній, и будучи фанатиками, какъ мистики, крайніе отрицатели, какъ послѣдователи крайнихъ выводовъ, духоборцы прежде молоканъ кинулись въ глаза правительству и прежде ихъ обратили на себя вниманіе мѣстной власти.

Извѣстно, что въ послѣдніе годы своего царствованія, Екатерина болѣе заботилась о Европѣ, чѣмъ о Россіи, болѣе о дальнѣйшемъ расширеніи къ Босфору, чѣмъ о внутреннемъ устройствѣ государства въ провинціяхъ, коренныхъ и вновь пріобрѣтенныхъ. Все дѣло ограничивалось сборомъ податей и повинностей, и за-

¹⁾ Объ ученіи духоборцевъ см. Новицкаго „О духоборцахъ“; а также „О молоканахъ и другихъ сектахъ Тамбовской губерніи“, Труды кіевской духовной академіи 1875 г., февраль.

тѣмъ губернія жила своею жизнью: крѣпостная зависимость достигла значенія рабства, управлѣніе казенными и удѣльными крестьянами уподоблялось крѣпостничеству, духовенство низведено было до полнѣйшаго безчинства, и какъ-бы въ насмѣшку, для внѣшняго прикрытия его внутренняго ничтожества, по табели о рангахъ санъ священника приравненъ былъ чину капитанъ-исправника. Взяточничество процвѣтало вездѣ и повсюду; о болѣе курьезныхъ способахъ вымогательства чиновниковъ сохранилась память до сихъ поръ. Что касается до духоборцевъ, то они платили; съ нихъ брали и молчали объ нихъ. Съ восшествіемъ на престолъ Павла, времена перемѣнились. Государь круто взялся подтянуть ту по-истинѣ безобразную распущенность, какая стала въ обыкновеніи за послѣдніе годы царствованія его матери. Почувствовали это и военные, и гражданскіе чины, и стolичное общество. Вскорѣ прослышала объ этомъ и провинція. О духоборцахъ доносили государю, что эта секта, хотя и заключаетъ въ своемъ ученіи отпаденіе отъ православія, но что послѣдователи ея живутъ спокойно, повинности отбывають исправно и соблазновъ не оказываются. Павелъ не предлагалъ ихъ и даже отклонялъ всѣ предлагаемыя въ отношеніи ихъ строгости; но, когда новороссійскій губернаторъ Селецкій донесъ о настоящемъ ученіи секты и, главное, о томъ, что ученіе ихъ не признаетъ Богомъ постановленныхъ властей на землѣ, императоръ Павелъ открылъ жестокое противъ нихъ преслѣдованіе. Въ указѣ сенату, отъ 28-го августа 1799 года, между прочимъ сказано: «по случаю открывшейся нынѣ въ Новороссійской губерніи духоборческой ереси, издавна въ Россіи умы и сердца развращающей, и противу коей, при началѣ царствованія нашего, слѣдя человѣколюбію, употребили мы наикротчайшія мѣры, надѣясь, что та гнусная секта возчувствуетъ наше отеческое къ ней снисхожденіе, и на путь истинный разсудка, чести и вѣры обратится, видя по существованію еще оной, сколь участники ея суть нашей пощады не достойны, повелѣваемъ: всѣхъ, изобличенныхъ въ ереси духоборческой, числомъ 31 человѣкъ, отослать въ Екатеринбургъ, вѣчно къ разработѣ рудниковъ, содержа ихъ всѣхъ скованными и употребляя въ наитягчайшія работы, дабы сіи духоборцы, отвергающіе высшую власть на землѣ, предѣломъ Божіимъ постановленную, возчувствовали чрезъ сие, какъ слѣдуетъ, то, что суть на землѣ власти, Богомъ опредѣленныя, на твердую защиту добрыхъ, злодѣямъ же подобнымъ на страхъ и наказаніе». Такая небывалая строгость тотчасъ же отразилась на положеніи сектантовъ. Ихъ не

только перестали прикрывать, но стали преслѣдовать и открывать. Не прошло какихъ-нибудь пяти мѣсяцевъ, какъ обнаружились слѣды секты въ Новгородской губерніи, въ селеніи Чудовѣ и слободѣ Сосницкой, гдѣ, какъ это можно видѣть изъ актовъ того времени, къ удивленію и церкви, и правительства, разслѣдованіемъ обнаружено было, что сектанты отвергали церковь, таинства, святыхъ, не признавали государя и представителей власти, т.-е. совершенно подобны были сектантамъ Новороссіи, или тѣ же духоборцы. Всльдъ за этимъ, по связи захваченныхъ подсудимыхъ и по сознанію нѣкоторыхъ обратившихся въ православіе, открыто было, что ученіе духоборства пріоутилось въ Москвѣ и въ числѣ своихъ послѣдователей имѣло даже наборщика Петра Тиханова, служившаго на московскомъ печатномъ дворѣ. Все это страхъ какъ ожесточило Павла. Именнымъ указомъ генераль-прокурору Обольянинову, онъ приказалъ всѣхъ нераскаявшихся сослать въ вѣчную каторгу и примѣнять это наказаніе въ видѣ общаго правила для всѣхъ вновь обнаруживающихъ сектантовъ. Касательно подсудимаго съ печатного двора, Тиханова, онъ сдѣлалъ чрезъ преосвященнаго с.-петербургскаго, Амвросія, выговоръ синоду, что «сколь не попечительно московское духовенство, когда на ихъ печатномъ дворѣ таковыя секты оказываются»¹⁾). Синоду это было, разумѣется, не по сердцу. Съ своей стороны онъ ссылался на то, что свѣтское начальство не принимаетъ мѣръ о взысканіи штрафа за небытіе православныхъ у исповѣди, что, по силѣ указа 1765 года, ему предписывалось, чтобы епархиальные архіереи, по раскольническимъ дѣламъ, своею властью ничего не принимали, что, наконецъ, самъ синодъ, вслѣдствіе постоянныхъ настоящій сената, вынужденъ былъ предписать приходскимъ священникамъ, въ отвращеніе разглашаемыхъ на нихъ нареканій, чтобы они прекратили всякия сношенія съ раскольниками, и чтобы въ дома ихъ отнюдь не входили. Желая показать, что духоборцы вовсе не находятся въ вѣдѣніи духовенства, синодъ доказывалъ, что они «не иное суть, какъ выродившіеся изъ раскольниковъ, которые, по различнымъ своимъ заблужденіямъ или толкамъ, сами между собою раздѣлялись на многія секты, хотя всѣ отъ церкви и отъ ея ученія удалились, но нѣкоторые изъ нихъ заблужденія свои простерли такъ далеко, что и съ отпадшими первоначально отъ церкви, яко бы за обряды, расколь-

¹⁾ Высоч. указы 30 марта и 30 апрѣля 1800 г. Сборн. пост. о расколѣ, стр. 783 789.

никами, никакого въ образѣ мыслей сходства не имѣютъ». То есть, тогдашніе іерархи полагали, что духоборцы не болѣе, какъ крайняя вѣтвь раскола — старообрядства, и видимо не подозрѣвали самостоятельного развитія раціонализма на русской народной почвѣ.

Чѣмъ бы кончилось это пререканіе между сенатомъ и синодомъ, и какое направленіе приняло бы преслѣдованіе сектантовъ и охраненіе православія — сказать трудно, такъ какъ въ этомъ году императора Павла не стало. Молодой Александръ, еще живо помнившій наставленія женевца Лагарпа, и притомъ, будучи въ первое время подъ вліяніемъ столь же пылкихъ и столь же неопытныхъ молодыхъ друзей, разумѣется, не могъ продолжать принятую было въ руководство систему Павла. Въ первый разъ познакомился онъ съ духоборцами изъ донесенія ревизовавшихъ въ то время слободско-украинскую губернію, сенаторовъ Лопухина и Нелединскаго-Мелецкаго. Сенаторы старались какъ можно болѣе разузнать о сектантахъ, єздили по духоборскимъ селамъ, собирали свѣдѣнія о положеніи ихъ хозяйства, объ исполненіи ими повинностей и всѣхъ требованій начальствъ, о поведеніи ихъ, объ ихъ вѣрованіяхъ и воззрѣніяхъ. Правда, собранныя ими свѣдѣнія были подробны только въ отношеніи исправности отбыванія сектантами повинностей и весьма шатки въ отношеніи ихъ вѣрованій, что, разумѣется, произошло отъ того, что сами сектанты, какъ тогда, такъ и теперь, тщательно скрывали свое ученіе, а мѣстное начальство и сельское духовенство, привыкнувъ мѣрить всѣхъ сектантовъ по одному аршину расколо-старообрядства, передавали сенаторамъ крайне невѣрныя свѣдѣнія; но какъ бы то ни было, сенаторы засвидѣтельствовали передъ государемъ, что они были удивлены нравственностью и трудолюбиемъ духоборцевъ, что сектанты не только не достойны тѣхъ притѣсненій и притязаній, которыхъ къ нимъ предъявляетъ мѣстное начальство, но, напротивъ, заслуживаютъ полной защиты со стороны правительства. Донесеніе сенаторовъ имѣло громадное вліяніе на государя. Прежде всего, онъ велѣлъ вернуть изъ ссылки почти всѣхъ духоборцевъ и даже оказывать особую заботливость о положеніи возвращенныхъ. Въ одномъ изъ указовъ на имя гражданскаго губернатора слободско-украинской губерніи, онъ предписалъ ему, какъ можно строже, наблюдать за спокойствіемъ возвращенныхъ и постоянно оказывать имъ защиту отъ всѣхъ «притязаній къ нимъ невѣжества и ложной ревности къ ихъ просвѣщенію». Въ этомъ же указѣ замѣчательны слѣдующія слова Александра: «и разумомъ, и опытомъ, пишетъ государь,

давно уже дознано, что умственныя заблуждения простого народа, преніями и нарядными увѣщаніями, въ мысляхъ его углубляясь, единствомъ забвенiemъ, добрымъ примѣромъ и терпимостью мало-по-малу изглаживаются и исчезаютъ. Вотъ правило, коего мѣстному начальству должно съ ними держаться, и на немъ-то основано было и повелѣніе, данное о увѣщаніи сихъ духоборцевъ, при возвращеніи ихъ во-свойси. Сіи увѣщанія никакъ не должны имѣть вида допросовъ, состязаній и открытаго, обряду ихъ, мыслей насилия; но должны сами собою и непримѣтно привиться къ нимъ, изъ добрыхъ нравовъ духовенства, изъ жизни ихъ, изъ поступковъ и, наконецъ, изъ непринужденныхъ, къ случаю, и съ видомъ ненамѣренности, направленныхъ на ихъ положенія разговоровъ, а чтобы все сие имѣло болѣе дѣйствія, и чтобы они лучше почувствовали свои обязанности ихъ къ правительству, прежде всего нужно бы было дать имъ самимъ примѣтить, что оно обѣ нихъ печется*¹⁾). Видимо, что первоначально Александръ, по крайней мѣрѣ, самъ лично стоялъ на пути полной вѣротерпимости. Въ томъ же указѣ, онъ приказалъ губернатору войти въ подробное разсмотрѣніе хозяйствъ возвращенныхъ изъ ссылки; обстроились ли они, вступили ли въ хлѣбопашество и, вообще, въ состояніи ли продолжать прежнее свое земледѣльческое положеніе, въ какомъ они находились до высылки. Къ сожалѣнію, заботы государя оказались совершенно напрасны. Возвращенные духоборцы не нашли на родинѣ, что называется, ни кола, ни двора, — все было разорено, расхищено, а земли ихъ сданы въ аренду или поступили другимъ въ собственность. Помѣстившись кое-какъ у своихъ единомышленниковъ, они обратились съ просьбою на высочайшее имя о переселеніи ихъ на болѣе свободныя мѣста и о соединеніи въ одно поселѣ. Какъ видно, духоборцы, а за ними и молокане предварительно сговорились обѣ этомъ, такъ какъ одновременно подобного рода просьбы поступили со всего юга Россіи — изъ слободско-украинской, екатеринославской и новороссійской губерній. Вопросъ, такимъ образомъ, сталъ общимъ и потому подвергся всестороннему обсужденію во многихъ инстанціяхъ. Рѣшили, что самое лучшее отвести для сектантовъ поля, лежащія по рѣкѣ Молочной, въ маріупольскомъ уѣздѣ, гдѣ они, будучи разобщены отъ православныхъ, уже не могутъ имѣть вліянія на нихъ, да и самое отдѣленіе послужило бы къ погашенію ихъ ереси. На основаніи этого, 25 января 1802 года, обнародованы были правила переселеній, причемъ

¹⁾ Указъ 27 ноября, 1801 г. Сборн. пост. о расколѣ, стр. 21.

переселенцамъ предоставлено было множество льготъ въ отношеніи отбыванія разнаго рода повинностей, а также были выдаваемы пособія на подъемъ и устройство, по 100 руб. на дворъ. Земли отведено было на Молочныхъ-Водахъ по 15 десятинъ на душу, и самое переселеніе обставлено было всевозможными удобствами. Не прошло года, какъ духоборческое и молоканское населеніе юга, почти въ цѣломъ составъ, поселилось на Молочныхъ водахъ и образовало тамъ богатыя колонія. Здѣсь же, въ первый разъ, правительство замѣтило разницу между сектами духоборцевъ и молоканъ, такъ какъ послѣдніе просили отвести имъ отдѣльные участки отъ земель, назначенныхъ для духоборцевъ.

Такое движение на югъ Россіи не могло не отразиться на природныхъ духоборцахъ тамбовской губерніи, у которыхъ начались сходки, совѣщанія, сборы. Мѣстное начальство увидѣло въ этомъ признаки бунта, неповиновенія, начало тѣснить сектантовъ, вымогать у нихъ еще большия поборы. Посыпались жалобы со стороны сектантовъ, донесенія о непокорности со стороны губернатора. Государь снова подтверждаетъ тамбовскому губернатору, что «доколѣ не обнаружено будетъ въ духоборцахъ явного неповиновенія установленной власти, дотолѣ не можно, по единому смыслу ихъ ереси, судить и обвинять ихъ въ семь преступлений; но должно, оставляя ихъ спокойными во внутреннемъ исповѣданіи, воспрещать только явные соблазны, подвергая за то суду по законамъ, на нарушителей общаго благочинія направленныхъ»¹⁾). То же самое онъ высказываетъ въ указѣ вновь назначенному тамбовскому губернатору, Кошелеву, совѣтуя, по отношенію къ духоборцамъ, «различать терпимость отъ попущенія и невнимательность къ заблужденіямъ разума отъ послабленія». Но такая эластическая формула на практикѣ явилась полнымъ и еще большимъ притѣсненіемъ сектантовъ. Достаточно напомнить объ извѣстномъ дѣлѣ, какъ одинъ изъ духоборцевъ привезъ къ тамбовскому губернатору трупъ своего сына, засѣченаго капитаномъ-исправникомъ. Исправникъ фонъ-Меникъ сѣкъ крестьянъ села Красной-Дубравы за то только, что они духоборцы, а двухъ засѣкъ до смерти за то, что деревня не выплатила ему взятки въ 100 руб. Несмотря на гуманные съ виду указы императора Александра, это вопіющее дѣло получило все-таки печальный конецъ для духоборцевъ. Ихъ принали за бунтовщиковъ, снова пересѣкли всю деревню плетьми, а крестья-

¹⁾ Указъ 21 августа 1803 г. Сборн. пост. о расколѣ, т. 2, стр. 27.

нина Мукосъева за то, что привезъ къ губернатору трупъ сына, сослали въ Колу¹⁾.

Положеніе сектантовъ внутреннихъ губерній, по истинѣ, было невыносимо. Въ слѣдующемъ 1804 году, повѣренные отъ духоборцевъ воронежской и тамбовской губерній, жалуясь на притѣсненія чиновниковъ, просили, по примѣру слободско-украинскихъ и екатеринославскихъ духоборцевъ, переселить ихъ на Молочныя-Воды. На этотъ разъ дозволеніе послѣдовало на тѣхъ же основаніяхъ, какія допущены были прежде, исключая выдачи денежнныхъ пособій. Послѣдовало также дозволеніе о переселеніи духоборцевъ изъ азовской крѣпости и форштата. Но въ то время отношеніе высшаго правительства къ сектантамъ уже во многомъ перемѣнилось къ худшему. Дозволяя переселеніе, оно въ то же время предписываетъ начальству таврической губерніи наблюденіе, чтобы духоборцы бывшихъ не принимали и въ секту свою никого не совращали, а когда херсонскій военный губернаторъ, дюкъ де-Ришельѣ сталъ хлопотать за духоборцевъ, чтобы ихъ избавили отъ рекрутской повинности, какъ несогласной съ ихъ учениемъ, то въ ходатайствѣ этомъ отказали. Не уважена была также просьба о возвращеніи изъ Сибири оставшихся духоборцевъ, такъ какъ иркутскій губернаторъ засвидѣтельствовалъ, что за распространеніе ереси большинство изъ нихъ отданы въ солдаты, а частью разосланы на работы въ заводахъ. Впрочемъ, еще ранѣе, въ 1805 году, было сдѣлано распоряженіе, чтобы сосланные въ Сибирь, по дальности разстоянія, не возвращались обратно, а были бы поселены на удобныхъ мѣстахъ, съ пользованіемъ тѣми льготами, какія предоставлены были поселенцамъ на Молочныхъ-Водахъ. Иркутское начальство, какъ показываетъ донесеніе губернатора, распорядилось по-своему и, вмѣсто поселенія, приложило къ сектантамъ самыя жестокія уголовныя кары.

Переселеніе большинства сектантовъ въ таврическую губернію не остановило, однако, распространенія духоборческой секты въ другихъ губерніяхъ. Тамбовскіе и воронежскіе сектаторы распространяли свое ученіе въ саратовской, пензенской, рязанской губерніяхъ и, въ особенности, на Дону. Въ городѣ Александровскѣ, купецъ Шутовъ до того увлекся новымъ учениемъ, что, схвативъ образа въ полу, принесъ ихъ мѣстному протопопу и объявилъ, что въ церковь онъ ходить не будетъ и никакихъ требъ у него чтобы священники не исполняли, такъ какъ онъ «содержать законъ Моисеевъ по духоборческому обряду». Въ 1807 году,

¹⁾ См. „Истор. Вѣстникъ“, 1880, № 2-й.

обнаружено было, что цѣлая Филипповская станица состоитъ въ духоборческой ереси, занесенной туда сотникомъ и казакомъ Лазаревыми. На этотъ разъ, правительство со вновь совращенными поступило очень круто: жителей станицы, всѣхъ до 15-ти-лѣтнаго возраста, разселили между крестьянами лютеранскаго исповѣданія съверо-западныхъ губерній; дѣтей же, — мальчиковъ разослали по гарнизоннымъ школамъ, дѣвочекъ по дѣвичицмъ монастырямъ. Духоборческое ученіе появилось также въ войскѣ, въ особенности въ казачьихъ полкахъ и, несмотря на самыя жестокія военные мѣры¹⁾, появилось настолько сильно, что правительство вынуждено было въ 1811 году постановить общимъ правиломъ, чтобы распространителей, кто бы онъ ни былъ, ссылать въ архангельскую губернію, а совращенныхъ на Молочныя-Воды, исключая казаковъ, которыхъ велико было препровождать на кавказскую линію, для сторожевой службы. Даже въ мѣстахъ ссылки, на Молочныхъ-Водахъ, сектанты оказывали громадное влияніе на православный села, и многіе изъ православныхъ переходили въ духоборство. Въ сектаторскихъ селахъ находили, кромѣ того, пріютъ бѣглые, дезертиры, бѣжавшіе или отъ сильнаго гнета крѣпостного права, или отъ поселенскихъ порядковъ или, наконецъ, отъ военной службы и тѣмъ, въ значительной степени, увеличивали число послѣдователей секты.

Междудѣмъ, строгость, предпринятая было противъ сектантовъ, къ концу царствованія Александра нѣсколько ослабѣла, благодаря нѣкоторымъ дѣламъ, обнаружившимъ, что сектанты далеко не такъ порочны, какъ обѣ нихъ доносили, отчасти благодаря личной склонности государя къ мистицизму. Однажды, двое бѣжавшихъ изъ духоборческихъ поселеній мелитопольского уѣзда донесли херсонскому военному губернатору, что они были свидѣтелями самоличной расправы общества съ лицами, не желавшими принять ихъ ученіе, и что кромѣ самоуправства, духоборцы составляютъ изъ себя притоны всякаго рода разбоевъ, воровства, мошенничества, и что въ ихъ колоніяхъ скрывается бездна бѣглыхъ. Не разслѣдовавъ хорошошенько дѣла, а основываясь на заявленіяхъ доносчиковъ, на поимкѣ четырехъ бѣглыхъ въ духоборческихъ селахъ и на заявлѣніи мѣстнаго духовенства о вредѣ этой секты для православныхъ, военный губернаторъ сдѣлалъ представление о высылкѣ всѣхъ духоборцевъ изъ мелитопольского уѣзда. Духоборцы также прислали прошеніе, что

¹⁾ См. дѣло Прокудина и Артемьевы. Сборн. пост. о раск. т. 2, стр. 55.

мѣстное начальство тѣснить ихъ, обложило страшными поборами и взводить на нихъ такія преступленія, которыхъ въ ихъ колоніяхъ никогда не было и не будетъ. Началось разслѣдованіе, и обнаружилось, что кромѣ притѣсненія мѣстныхъ чиновниковъ и вліянія духоборцевъ на сосѣднія православныя села, все остальное ложь и неправда и что, напротивъ, сектанты народъ трудолюбивый, честный и примѣрной нравственности. «Отпаденіе сихъ людей,— писалъ по этому поводу Александръ херсонскому военному губернатору,— отъ православной церкви есть, конечно, съ ихъ стороны, заблужденіе, основанное на нѣкоторыхъ погрѣшныхъ заключеніяхъ ихъ объ истинномъ богослуженіи и духѣ христіанства. Сие происходитъ въ нихъ отъ недостатка въ просвѣщеніи: ибо ревность божію имѣютъ, но не по разуму. Но просвѣщенному ли правительству христіанскому приличествуетъ заблудшихъ возвращать въ нѣдра церкви жестокими и суровыми средствами, истязаніями, ссылками и т. п.? Ученіе Спасителя міра, пришедшаго на землю взыскати и спасти погибшаго, не можетъ быть внушаемо насилиями и казнями, не можетъ служить къ погибели спасаемаго, коего ищутъ обратить на путь истины. Истинная вѣра нарождается благодатію Господнею чрезъ убѣжденія, поученіемъ, кротостью, а болѣе всего добрыми примѣрами. Жестокость же не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ. Всѣ мѣры строгости, истощенная надъ духоборцами, въ продолженіи тридцати лѣтъ, до 1801 года, не только не истребили сей секты, но паче и паче пріумножили число послѣдователей ея»¹⁾). На этотъ разъ, касательно мелитопольскихъ духоборцевъ, дѣло ограничилось только тѣмъ, что поручено было синоду озабочиться назначеніемъ благонадежныхъ и доброй нравственности священниковъ въ православные приходы, смежные съ поселенцами. Еще болѣе породило у сектантовъ надежды на лучшее будущее, когда государь, въ 1818 году, лично посыпалъ духоборческія колоніи и остался очень доволенъ виѣшнею опрятностью, довольствомъ и видимымъ трудолюбиемъ сектантовъ. Поселеній было столько, что отведенныхъ первоначально земель

¹⁾ Указъ 9-го декабря 1816 г. Сб. распор. о расколѣ, стр. 47—50. Здѣсь невольно остановишь вниманіе на этой, поражающей разноголосицѣ между словомъ и дѣломъ: въ то время, какъ государь учить высокимъ истинамъ военного губернатора, исправники заставляютъ до смерти сектантовъ за то, что тѣ не даютъ требуемой взятки! Было бы, это отличительная черта царствованія Екатерины II и Александра I,— виѣшній либерализмъ, гуманность — на верху, и жестокій, грубый, азиатскій деспотизмъ — внизу, какъ наслѣдіе давнишнихъ татарско-византійскихъ порядковъ.

оказалось недостаточнымъ. По возвращеніи въ Петербургъ, государь приказалъ отвести еще $5\frac{1}{2}$ тысячъ десятинъ, раздѣлить ихъ на участки и отводить по мѣрѣ требованія новымъ поселенцамъ.

Это былъ послѣдній законъ Александра. Наступило царствованіе нерасходящагося слова съ дѣломъ, царствованіе императора Николая, въ которое приступлено было всѣми силами административнаго механизма подавлять расколъ, ереси и всякаго рода отступничества. Уже въ 1826 году, повелѣно было всѣхъ предавшихся духоборческой ереси изъ помѣщичихъ крестьянъ отдавать съ зачетомъ въ рекрутъ, а неспособныхъ ссылать въ Сибирь. Въ томъ же году, было сдѣлано распоряженіе, чтобы мелитопольскимъ духоборцамъ паспортовъ не выдавать и отлучки съ мѣста жительства воспретить. Въ 1830-мъ году былъ изданъ общій законъ, по которому добровольное, и по суду, выселеніе сектантовъ въ новороссійскій край прекращено; подстрекателей и распространителей секты велико было отдавать въ солдаты, а слабосильныхъ и женщинъ селить въ Закавказье, куда и направлять добровольныхъ переселенцевъ «сколько въ уваженіи заселенія края, столько и въ уваженіи пресечения способовъ распространенія ереси», говорить указъ. Въ отношеніи духоборцевъ тамбовской и воронежской губерній были приняты самыя строгія мѣры, а епархиальному начальству повелѣно было обратить особенное вниманіе на обращеніе ихъ въ пѣдра церкви. Вообще, правительство Николая, прежде прочихъ сектъ, всею силою обратилось на духоборцевъ. Мы не говоримъ о запрещеніи отлучекъ, о недозволеніи нанимать за себя рекрутовъ, о невыдачѣ женамъ сектантовъ зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій, но даже вызваннымъ послѣ турецкой кампани, по приглашенію правительства, выходцамъ изъ Турціи, и тѣмъ не дозволено было поселиться иначе, какъ за Кавказомъ, несмотря на убѣдительныя просыбы направить ихъ къ единовѣрцамъ, на Молочные-Воды¹⁾. Затѣмъ эти безконечные процессы, прижимки мѣстныхъ чиновниковъ и низшаго духовенства, постоянныя ссылки въ Сибирь, за Кавказъ,—все это дѣлало жизнь сектантовъ, во всѣхъ отношеніяхъ, несносною. Но ученіе это почему-то особенно нравилось забитому народу. Въ чистомъ или болѣе или менѣе искаженномъ видѣ, оно появлялось повсюду, во всѣхъ губерніяхъ, что еще болѣе сердило государя, хорошо знавшаго, что въ соціальной основе духоборческой ереси лежитъ непризнаніе

¹⁾ Указъ 29-го ноября 1845. Сборн. распор. о расколѣ, т. 2-й, стр. 417 — 430.

внѣшней власти. Даже въ мѣстахъ сибирскаго поселенія, на каторжныхъ работахъ, и тамъ привилось это ученіе и быстро распространялось между поселенцами и каторжниками. Генераль-губернаторъ восточной Сибири, Сулима, доносилъ государю въ 1835 году, что secta эта имѣеть особое притягательное свойство, что, какъ только появится гдѣ sectантъ, то тотчась же начнутся уклоненія въ ересь, будь это на каторжныхъ работахъ, или въ мѣстахъ самыхъ нелюдимыхъ и глухихъ. Въ Сибири распространеніе духоборческой ереси приняло такие большие размѣры, что даже изданъ былъ особый законъ, по которому каторжниковъ-сектантовъ велико было назначать въ одинъ Нерчинскій заводъ, а поселенцевъ селить въ самые отдаленные мѣста, и притомъ не между православными, а инородцами.

Такимъ образомъ, главнымъ засельемъ сектантовъ «особенно вредныхъ сектъ» явился Кавказъ. Ссылки по суду и добровольные переселенія шли съ такимъ успѣхомъ, что въ отмежеванныхъ казенныхъ земляхъ Грузіи и Имеретіи не было уже мѣста. Оставалась одна Мингрелія; но страна эта была не размежевана и, притомъ, оказалась вполнѣ разореною, необработанною, хотя обладающею многими природными богатствами. Желая сохранить мѣстное мингрельское управлениѳ и нѣкоторую автономію бывшему царству, правительство не уничтожало старыхъ порядковъ; оно оставило мѣстные администрацію и суды, управлениѳ страною поручило бывшему правителю, князю Дадьяну, и только общій надзоръ предоставило гражданскому управлению кавказскаго намѣстника. Князь Дадянъ, по примѣрамъ Грузіи и Имеретіи, хорошо видѣлъ всю ту пользу, какую принесли Закавказью русскіе поселенцы-сектанты, которыхъ, въ 1830—1845 годахъ, переселилось, по свѣдѣніямъ министерства государственныхъ имуществъ, свыше 10 тысячъ человѣкъ одного мужескаго пола, изъ однихъ казенныхъ крестьянъ. Дѣйствительно, наши пионеры-сектанты во многомъ увеличили производительность края и не мало распостирили тамъ неизвѣстныхъ до того времени отраслей хозяйства. Самъ князь Воронцовъ свидѣтельствовалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ начали селиться въ закавказскомъ краѣ русскіе поселенцы, тамъ открылись промышленность, ремесла, съ которыми не были знакомы туземцы, явились извозчики для перевозки казенной и частной клади, плотники, каменщики и другіе мастеровые; устранились затрудненія въ пріискахъ ямщиковъ для почты и проч. Этю-то колонизаторскою силою и хотѣлъ воспользоваться хитрый и умный князь Дадянъ. Затрудненіе было въ томъ, что сектанты селились до

сей поры на казенной землѣ; примѣровъ же заселенія на земляхъ частныхъ владѣльцевъ не было, исключая нѣкоторыхъ сдѣлокъ, заключенныхъ между великороссійскими выходцами (тоже сектантами) и обществомъ «распространенія шелководства и торговой промышленности за Кавказомъ», на что общество еще въ 1842 году выхлопотало себѣ особое право. Ссылаясь на этотъ случай, мингрельскій князь сдѣлалъ предложеніе правительству дозволить ему поселять сектантовъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) что онъ надѣлить ихъ землею по 10 десятинъ на душу и снабдить лѣсомъ и скотомъ; 2) что поселенцы обязаны будутъ владѣльцу выставлять въ одинъ будничный день въ недѣлю одного работника и отдавать $\frac{1}{20}$ часть со всѣхъ произведеній земли, и 3) что для первоначального обзаведенія, имъ будутъ предоставлены на извѣстный срокъ всевозможныя льготы и облегченія. Предложеніе это прошло кавказское намѣстничество, министерство, рассматривалось въ кавказскомъ комитетѣ, и вездѣ было одобрено. Въ средѣ тогдашнихъ государственныхъ людей ходило мнѣніе о барщинномъ устройствѣ въ цѣлой Россіи. Успѣхъ, съ которымъ введена была барщина графомъ Киселевымъ въ Молдавіи и Валахіи (за что, впрочемъ, не помянуль его добрымъ словомъ Марксъ въ своемъ «Капиталѣ»), и эти ходившія предположенія о возможности замѣны крѣпостного права барщиною заставили обратить вниманіе на предложеніе князя Дадъяна. Притомъ же гнетъ и притѣсненія, которыя въ полной силѣ царили тогда во внутреннихъ губерніяхъ, вызывали постоянные со стороны сектантовъ ходатайства о переселеніи ихъ за Кавказъ. По свѣдѣніямъ министерства, отъ однихъ казенныхъ крестьянъ поступило въ тотъ годъ такихъ просьбъ отъ семи тысячъ человѣкъ. Но казенныхъ земель за Кавказомъ уже не было, а земли Мингрелии были не размежеваны, и неизвѣстно было, какія отойдутъ казнѣ, какія останутся за частными владѣльцами. Все это привело къ тому, что, согласно предложенію правителя Мингрелии, въ 1845 году, были высочайше утверждены правила, по которымъ дозволялось сектантамъ селиться на земляхъ частныхъ владѣльцевъ Мингрелии, съ соблюдениемъ, однако, слѣдующихъ условій: 1) поселенцы должны были считаться государственными крестьянами и платить въ казну подать, по усмотрѣнію кавказского начальства; имъ предоставлено было иметь самостоятельное сельское управление и своихъ выборныхъ старшинъ и старость; владѣлецъ обязанъ быть, кромѣ 10 десятинъ надѣла, по прибытии поселенцевъ на мѣсто, снабдить ихъ на семью въ три души мужескаго пола, по парѣ рабочихъ во-

ловъ, по двѣ коровы и по двѣ свиньи¹⁾. 2) Взамѣнъ этого, поселенцы обязаны были въ пользу владѣльца повинностями, какія обозначены были въ предложеніи Дадьяна, но при этомъ постановлено было, чтобы сдѣлки между владѣльцами и поселенцами не превышали 24 лѣтъ, послѣ чего поселенцамъ предоставлено было право или измѣнить условія, или возвориться на тѣхъ земляхъ Закавказья, гдѣ найдутъ для себя болѣе удобнымъ и выгоднымъ. Наконецъ, 3) поселенцамъ предоставлено было право свободного передвиженія за Кавказомъ, причемъ 8-ми-мѣсячный срокъ паспортамъ былъ отмѣненъ. Это былъ первый шагъ законнаго отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ, на земляхъ которыхъ они были поселены. Въ примѣрѣ этомъ нельзя не видѣть зародыша будущаго акта освобожденія крестьянъ, хотя примѣненіе его послѣдовало — гдѣ-же? въ Мингрелии, и для кого же? — для сектантовъ «болѣе вредныхъ» сектъ! Историкъ русскаго крестьянства не можетъ пройти этого явленія, не можетъ не занести его предтечею послѣдовавшаго, черезъ шестнадцать лѣтъ, всеобщаго освобожденія отъ крѣпостнаго ярма.

Заселеніе Мингрелиишло быстрѣе, чѣмъ полагалъ правитель ея, благодаря слѣдующимъ обстоятельствамъ. Въ 1839 году было изданъ для духоборцевъ ужасный законъ: повелѣно было всѣхъ до одного духоборца мелитопольскаго уѣзда, которыхъ считалось до 8-ми тысячъ человѣкъ мужскаго пола, если не пожелаютъ принять православія, переселить за Кавказъ, и только, въ видѣ снисхожденія, приказано было вознаградить ихъ по оцѣнкѣ за оставленныя недвижимыя имущества. Какой поводъ, и что была за причина къ изданію такого драконовскаго закона, мы доискаться не могли. Достаточно сказать, что это второе переселеніе сектантовъ продолжалось въ теченіи шести лѣтъ, въ 1841—1846 годахъ, и сопровождалось самыми потрясающими сценами. Сектантовъ отправляли партиями, почти-что подъ конвоемъ, причемъ мелкое чиновничество удерживало кормовыхъ и другія слѣдующія сектантамъ деньги, произвольно грабя и разоряя ихъ. Этого мало. Намучившись въ теченіи долгаго и труднаго пути, прия на мѣсто, они къ великому своему горю и тамъ не находили свободныхъ мѣстъ для заселенія. Ни бережливость, ни скромность жизни не помогали сектантамъ: они окончательно разорялись и положительно нищенствовали, нищенствовали въ странѣ незнакомой, среди народа, не знавшаго ни ихъ языка, ни ихъ обычаевъ. Единственнымъ спасеніемъ этихъ несчастныхъ

¹⁾ Это какъ-бы насмѣшка, потому что духоборцы свинины не ёдятъ.

явилось предложение князя Дадъяна, чѣмъ, разумѣется, они тотчасъ-же воспользовались. Другое обстоятельство, ускорившее заселеніе Мингрелии, было то, что въ это время одинъ за другимъ издавались законы, все строже и все стѣснительнѣе для духоборцевъ внутреннихъ губерній. Кромѣ прочихъ запрещеній, имъ воспрещено было приобрѣтать землю далѣе 30 верстъ отъ мѣстожительства, т.-е., положенъ былъ предѣлъ увеличенія благосостоянія; воспрещено было нанимать за себя рекрутъ, присыпаться къ городамъ и проч. Большинство безъ оглядки бросились на предложеніе Дадъяна, основательно разсчитывая, что имѣть дѣло съ частнымъ лицомъ выгоднѣе, чѣмъ съ казною; да притомъ, въ лицѣ князя, они ожидали встрѣтить защитника противъ притѣсненій русскихъ чиновниковъ. Въ теченіи трехъ лѣтъ, со времени изданія правилъ, Мингрелия покрылась значительнымъ числомъ сектаторскихъ поселеній, принесшихъ громадную пользу kraю. Не прошло много времени, какъ примѣрное хозяйство, предпріимчивость, трудолюбіе и трезвость, съ одной стороны; азіатская лѣнъ, беспечность, постоянные споры между сонаслѣдниками Дадъяна и поголовное безденежье всего мингрельского дворянства, съ другой,—привели къ тому, что всѣ наши шонеры-сектанты сдѣлались собственниками, обладаютъ достаткомъ и ведутъ въ настоящее время значительную торговлю служа главнымъ источникомъ оживленія ремесль и промышленности kraя. Положеніе закавказскихъ сектаторовъ настолько улучшилось, что еще въ 1856 году поступали усиленныя ходатайства изъ тамбовской губерніи о дозволеніи добровольного переселенія за Кавказъ. Впрочемъ, скоро наступили другія времена. Произволъ и насилие мелкаго чиновничества, въ значительной степени, ослабѣ. Сектанты внутреннихъ губерній—тамбовской, воронежской, харьковской, и вообще, гдѣ сохранились еще ихъ зародыши послѣ долгихъ лѣтъ мучительныхъ насилий, отдачъ въ солдаты и высылокъ,—вздохнули нѣсколько свободнѣе и перестали думать о переселеніи.

Если спросимъ, гдѣ-же въ настоящее время, послѣ долгихъ преслѣдованій и пересылокъ съ мѣста на мѣсто, осѣли духоборцы, то намъ прежде всего придется искать ихъ на далекихъ окраинахъ. Тамъ является ихъ главное средоточіе, и только тамъ ученіе ихъ почти-что сохранилось въ своей чистотѣ отъ первыхъ проповѣдниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, Мингрелия и мѣста за Кавказомъ, около Шемахи, въ деревнѣ Андреевкѣ, около необитаемой степи Мигуны, деревня Новоселки, и пр.—вотъ главное сосредоточіе чистаго духоборства. Затѣмъ эта секта

заселила мѣста въ Сибири, по преимуществу, въ Приамурскомъ краѣ, куда ихъ переселили еще при Муравьевѣ, изъ дикихъ и бесплодныхъ мѣстъ первого заселенія, отведенного сибирскимъ начальствомъ въ царствованіе Николая. Гдѣ-бы можно было ожидать ихъ — на Молочныхъ-Водахъ, въ таврической губерніи, тамъ ихъ почти нѣть, такъ какъ послѣ высылки 1841 — 1846 г. въ Закавказье, они болѣе туда не селились, и это мѣсто сдѣлалось посельемъ исключительно молоканъ. Наконецъ, на самой родинѣ духоборцевъ, — въ воронежской, тамбовской, харьковской, екатеринославской губерніяхъ, а также въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, хотя сохранились сектанты, и называютъ свое ученіе духоборческимъ, но оно очень близко подходитъ къ молоканству и почти съ нимъ сливается. Офиціальная свѣдѣнія и многія частныя изслѣдованія признаютъ ихъ настоящими молоканами.

Духоборцевъ считали, и по настоящее время считаютъ, почему-то вреднѣе молоканъ, хотя правительство не ставить между ними никакой разницы. Когда, въ 1837 году, нѣсколько обществъ тамбовской губерніи, во время путешествія государя, подали ему прошеніе, чтобы на нихъ не распространялся законъ 1836 года, о недозвolenіи держать у себя и заниматься у православныхъ, касающійся собственно молоканъ, а не ихъ, «духовныхъ христіанъ» или духоборцевъ, то отвѣтомъ на это послѣдовало повелѣніе примѣнять безразлично всѣ постановленія бывшія и будущія, будуть-ли себя сектанты называть духовными христіанами, духоборцами или молоканами, такъ какъ они, «хотя-бы и различествовали между собою, но всѣ равно признаются вредными по духу ихъ ученія»¹⁾. Правда, что имѣя въ ученіи свою часть мистическихъ воззрѣній, духоборцы были болѣе фанатичны, рѣзче проявляли себя въ отношеніи властей, чѣмъ могло служить, пожалуй, поводомъ, почему было вѣдьно только ихъ переселять съ Молочныхъ-Водъ, за Кавказъ, а молоканъ оставили на прежнихъ селищахъ; но это было прежде, когда еще дѣйствовала пропаганда; признавать же теперь за духоборцами болѣе вреда, чѣмъ за молоканами, не имѣется никакого основанія. Миѳицизмъ, положенный въ ученіе духоборцевъ первоначальными проповѣдниками, самъ собою ослабѣвалъ подъ напоромъ заботъ и дневныхъ нуждъ во время гоненій, и въ особенности, во время переселеній при устройствѣ на новыхъ мѣстахъ, гдѣ живая и кипучая дѣятельность по-неволѣ низводила воззрѣнія, блуждающія въ заоблачныхъ фантазіяхъ или отвлече-

¹⁾ Указъ 4 апреля 1837 г. Сборн. постан. о расколѣ, стр. 255.

ныхъ предположеніяхъ, къ практическому примѣненію правиль нравственности, т.-е. вводило въ это ученіе болѣе очищенный рационализмъ, подогрѣтый утилитаризмомъ общинныхъ стремлений сектантовъ. Въ этомъ отношеніи, молокане только опередили духоборцевъ. Молоканство еще при первыхъ своихъ учителяхъ пошло на встрѣчу жизни, и еще тогда старалось отвѣтить за- вѣтнымъ, народнымъ идеаламъ, которые, благодаря горькой дѣйствительности, могли рождаться въ его понятіи не въ видѣ ося- зательного представленія, но только въ формѣ вѣрованія, завѣта или отдаленного будущаго. Кромѣ того, духоборство нашло себѣ почву среди казенныхъ крестьянъ; молоканство же непосред- ственно осѣло на крѣпостномъ крестьянствѣ, отчего эта секта и называлась въ народѣ «мужиковскою». Съ духоборцами, какъ съ казенными крестьянами, правительство распорядилось свобод- но; мѣры противъ нихъ были круче, жестче; противъ молоканъ его стѣсняло крѣпостное право владѣльца, оно принимало мѣры не- сколько слабѣе и, во всякомъ случаѣ, не такія прямая и не- посредственный, какими являлись мѣры противъ духоборцевъ. На- поръ жизненныхъ потребностей, очистившій духоборство отъ мисти- цизма, и болѣе строгое отношеніе къ нему правительства при- вели эту секту къ тому, что въ настоящее время послѣдователей чистаго духоборства не много, и главное ядро нашего ра- ціонализма составляютъ молокане. Число послѣдователей духо- борческой секты не опредѣлено. Въ офиціальныхъ таблицахъ фонъ-Бушена, изданныхъ по распоряженію министерства внут- ренніхъ дѣлъ въ 1863 году, духоборцы показаны вмѣстѣ съ молоканами, и всѣхъ насчитано до 110,000 человѣкъ. Нѣкото- рые изъ изслѣдователей приводятъ цифру отъ 15—20 тысячъ человѣкъ; но цифра эта чисто гадательная и намъ нигдѣ не пришлось проверить ее болѣе точными данными.

Высокое со стороны догматики, простое со стороны обряд-nosti, ученіе духоборства само въ себѣ заключало всю силу первоначальной распространяемости. Темный, придавленный, духово-неудовлетворенный народъ весьма легко отрѣсался отъ церкви и ея обрядовъ, съ тѣмъ, чтобы перенести всѣ душевныя и сердечныя побужденія въ самого себя, во внутрь своей жизни, изъ которой не могли бы отнять ихъ никакія гоненія, никакія мученія. Хотя русскій человѣкъ испоконъ-вѣku привыкъ къ обрядовому благочестію, но здѣсь, на такой высокой степени богословской мысли, онъ не могъ подобрать какихъ-либо слож-ныхъ, литургическихъ формъ, и все его богослуженіе явилось простымъ, безъискусственнымъ. Тамъ, гдѣ былъ недостатокъ въ

учителяхъ и проповѣдникахъ, тамъ устанавливаемая народомъ обрядность являлась иногда не только странною, но даже безобразною, какъ это было въ саратовской губерніи, гдѣ, по закрытіи иргизскихъ монастырей, начали развиваться крайняя безпоповщинскія согласія съ примѣсью духоборческаго ученія. Большинство же сектантовъ уже давно отрѣшилось отъ сложной и стѣсняющей обрядности. Въ этомъ смыслѣ молоканство, какъ говорили, есть та же переработка духоборческой доктрины, подъ вліяніемъ жизненныхъ потребностей, національныхъ чертъ народа, и стремленія русскаго человѣка создать свою «мужиковскую вѣру». Въ итогѣ, духоборчество и молоканство, какъ въ отношеніи обрядности, такъ нравовъ и обычаевъ, совершенно тождественны. Отличительныя черты доктрины, сохранившіяся въ весьма рѣдкихъ духоборческихъ собраніяхъ, и заключающіяся въ болѣе выдающихся чертахъ спиритуализма — вотъ единственныя признаки, отличающія духоборцевъ отъ молоканъ. Два эти ученія слились теперь въ одно и будучи, хотя по источнику, западнаго происхожденія, но по передѣлкѣ онѣ сдѣлались вполнѣ національными.

Е. Р.